

А. П. КОНАКОВ

МАНЧЖУРИСТИКА В РОССИИ И В СССР

„Русские были первыми европейцами, серьезно изучавшими манчжурский язык“¹. Признание за русскими манчжуристами ведущей роли в манчжуроведении — факт бесспорный и совершенно справедливый.

Манчжурский язык принадлежит к группе так называемых тунгусо-манчжуро-монгольских языков. В древности на нем говорили отдельные тунгусо-манчжурские народы, обитавшие на территории нынешней Манчжурии по соседству с тюрками, от которых они впоследствии были отеснены монголами.

Письменный манчжурский язык становится известным лишь в XIV веке, когда манчжуры подчинили себе китайскую империю. Тогда же и была создана манчжурская письменность, заимствованная манчжурами от монголов, значительно усовершенствованная ими; они ввели точки и кружки для различения некоторых полифонных монгольских букв.

По своему лексическому составу манчжурский язык близок к языкам северных народов Дальнего Востока: к гольдскому (нанайскому), удгейскому, тунгусскому (эвенкийскому), ламутскому (эвенскому) и др. В нем имеется также немало монгольских и китайских слов, а также и некоторые тюркские заимствования.

Изучение манчжурского языка в России началось еще в первой половине XVIII века. К тому времени между Россией и Китаем установились уже достаточно прочные политические и экономические отношения.

Манчжурский язык, на котором, наряду с китайским языком, велась официальная переписка между двумя государствами, становится языком, практически совершенно необходимым правительству царской России.

Первыми из русских изучением манчжурского языка занимались Илларион Рассохин и Иван Бухарт.

И. Рассохин и И. Бухарт — китаисты. Манчжуристика в России с самого начала своего появления шла рука об руку с китаистикой. Манчжурист и китаист нередко соединялись в одном лице. Кроме китайского языка, И. Рассохин и И. Бухарт основательно изучили живой, разговорный манчжурский язык. Широкое и основательное знакомство с манчжуро-китайской литературой позволило им, как и позднейшим переводчикам, тоже манчжуристам-китаистам А. С. Леонтьеву, С. В. Липовцеву, С. В. Каменскому, А. С. Агафонову, А. О. Ивановскому и другим, успешно заниматься переводами как с манчжурского языка на русский, так и с русского на манчжурский².

¹ The Encyclopaedia Sinica, Shanghai, 1917, стр. 324.

² Перечислю для примера лишь некоторые: Илларион Рассохин, Обстоятельное описание происхождения и состояния народа и войска в восьми знаменах состоящего. Перевод с манчжурского, СПб, 1748, Алексей Леонтьев, Китайские мысли. Перевод с манчжурского и китайского языков на российский язык. СПб, 1786, С. В. Липовцев, Новый и Ветхий завет. Перевод с русского на манчжурский язык (манчжурский фонд библиотеки ИВ АН), Алексей Агафонов, Джунгин или книга о верности. Перевод с манчжурского и китайского языков на российский язык, Иркутск, 1784, А. Ивановский, Посольство Спафари. Перевод с манчжурского, СПб, 1838.

Первоначальное обучение манчжурскому языку переводчики проходили в учебных заведениях, учреждаемых Коллегией Иностранных дел или Министерством народного просвещения (азиатская школа в Омске, монгольская школа в Иркутске, китайское училище в Кяхте, духовное училище в Благовещенске и т. д.)³.

Школы преследовали чисто практические цели, готовили „исправных переводчиков“ и не проявляли никакой заботы о научной стороне дела.

После окончания школьного обучения первые знатоки манчжурского языка по заведенному правилу посылались обычно для усовершенствования своих познаний в языке в Пекинскую духовную миссию, — единственное в то время место на Дальнем Востоке, куда только и можно было попасть русскому: „Большие тягости приходилось выносить тогда мирянину, увлекавшемуся любознательностью“, — писал В. П. Васильев⁴ — „он должен был на десять лет, самых лучших лет своей жизни, запереться в доме миссии, подчиняться всем распоряжениям ее начальника, который нередко оказывался врагом научного образования; десять лет приходилось не видеть не только ни одного европейца, но даже ни одного русского, кроме тех, с которыми он приехал“. Иные потом связывали свою судьбу с дипломатической службой и оставались в Китае на долгие годы. Например, известный манчжурист Иван Ильич Захаров провел в Китае более двадцати пяти лет своей жизни.

Неудивительно, что переводчики, отлично владея языком, знали также хорошо страну, ее культуру, историю и национальный характер народа. Драгоман не был вовсе узким специалистом, знающим только один язык; он обладал несравненно большими знаниями и занимал, нередко, весьма значительное служебное положение. Известно, например, что Екатерина II по вопросам государственным, имеющим отношение к Китаю, советовалась с переводчиками А. Владыкиным и А. Леонтьевым⁵, а переводчик Илларион Рассохин находился в составе Российской Академии Наук⁶ (1741) для переводов и обучения китайскому и манчжурскому языкам⁷.

Подготовка переводчиков, стоявшая тогда как первоочередная задача на первом плане, определила практическое направление манчжуристики раннего периода.

В 1839 году литографическим способом был издан манчжурский букварь С. В. Липовцева. Первая же грамматика манчжурского языка была написана намного раньше, еще в конце XVIII века, А. Владыкиным, но она, как и манчжурская грамматика, составленная в 1840 году Г. М. Розовым, не была напечатана. Сохранилась только одна из них (Рукописный отдел ИВ АН), но автор ее пока еще точно не установлен.

Большой интерес к изучению манчжурского языка проявляло российское духовенство, ибо видело в том большую выгоду, рассчитывая, что

³ Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, т. I, 1876, стр. 136, 152—153, 168.

⁴ В. П. Васильев, Воспоминания об И. И. Захарове, Журнал Министерства народного просвещения, ноябрь 1885 г., стр. 94.

⁵ В. П. Васильев, Цит. сочинение, стр. 95.

⁶ С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, СПб, 1904, стр. 371—372.

⁷ „В своем докладе, представленном Академии Наук, И. Рассохин в помощь себе просил вызвать из Москвы обрусевшего китайца Федора Петрова „чтобы он под руководством моим обучал бы учеников китайскому и манчжурскому языкам, беспрепятственно говорил бы с ними на этих языках, силу и произношение голосом речей им показывал, трудные слова и литеры толковал, а при том деликатность этих двух языков показывал; со временем же упражнял бы учеников в переводах на русский язык. На досуге и сам он (Федор Петров. — А. К.) полезные книги с манчжурского и китайского языков на русский диалект к немалой прибыли переводить может. Академия Наук имела двойное назначение: делать открытия и усовершенствования в науках и, в то же время, обучать юношество“. Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. Труды III Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. I, стр. 173, 105.

„проповедники православия“, знающие манчжурский язык, могут лучше „передавать из уст в уста истины спасения“. Протоиерей А. Орлов написал и издал в 1873 году „Во славу и пользу православной церкви Божьей на Амуре“ грамматику манчжурского языка.

Завершением грамматической работы явился выпуск в 1879 году до сих пор непревзойденной ни в нашей, отечественной, ни в зарубежной манчжуристике „Грамматики манчжурского языка“ профессора манчжурского языка С.-Петербургского университета И. И. Захарова. В этой грамматике И. И. Захарову удалось, наряду с обширной манчжуро-китайской грамматической литературой, использовать, как материал, работы русских и европейских предшественников. Не оставлена была без внимания и грамматика А. Орлова, хотя И. И. Захаров оценивал ее очень односторонне и не совсем справедливо.

Благодаря опубликованию И. И. Захаровым своей грамматики (за четыре года до этого, в 1875 году, им же был издан капитальный „Манчжурско-русский словарь“) наша манчжуристика вступает в новый период преподавания и изучения языка и получает всеобщее признание, занимая с той поры по праву и достоинству принадлежащее ей первое место. Теперь уже ни один манчжурист любой страны, серьезно занимающийся изучением манчжурского языка, никак не может обойтись без грамматики и словаря И. И. Захарова.

За свои выдающиеся труды по манчжуристике С.-Петербургский университет удостоил Ивана Ильича Захарова степени доктора, а за манчжуро-русский словарь ему присуждена была Русским Географическим обществом высшая награда — Константиновская медаль.

Высокую оценку и самые лестные отзывы о своём лексикологическом труде получил И. И. Захаров и среди иностранных ученых. Р. G. Möllendorff отзывался о нем в следующих словах: „Зачем нам туземные работы (имеются в виду словари на китайском, монгольском, манчжурском, тибетском языках. — А. К.), все они были сконцентрированы и переданы в наши руки в виде замечательного полного словаря Захарова. Вы, конечно, скажете, что, ведь, он на русском языке. В настоящее время это не может быть оправданием; для изучающих манчжурский, монгольский и другие объекты, материалы по Азии — знание русского стало *conditio sine qua non*“⁸.

Весьма похвально отзывался и E. V. Zach: „Словарь Захарова, по сравнению со словарем Г. Габеленца⁹, является большим достижением, хотя оба словаря по времени отделены друг от друга малым сроком (десять лет. И к тому же И. И. Захаров работал совершенно независимо от Габеленца. — А. К.). Русский ученый, благодаря своей разносторонней осведомленности в грамматическом отношении, создал прочное основание для изучения манчжурского языка и значение его труда для синологов, монголоведов и тибетоведов весьма значительно“¹⁰.

К сожалению, другой лексикологический труд нашего выдающегося манчжуриста „Китайско-манчжурско-русский словарь“, почти законченный им к печати, пропал бесследно¹¹. Потеря невосполнимая пока для науки. Едва ли в настоящее время найдется человек, соединяющий в себе прекрасное знание двух языков: манчжурского и китайского, отважившийся на столь трудную и сложную работу. Да и навряд ли по плечу она одному только человеку.

⁸ Р. G. Möllendorff, *The China Review*, т. XV, July 1886, June 1887. Hongkong, стр. 180—181.

⁹ H. Gabelentz, *Mandschu-Deutschen Wörterbuch* 2. Leipzig. 1864.

¹⁰ E. V. Zach, *Weitere Ergänzungen zu Sacharow's Mandzursko-Russi sloivar*, 1930, *Asia Major*; цитируется по рукописи А. В. Гребенщикова „Дополнения к „Полному манчжурско-русскому словарю“ И. Захарова и „Дополнения к E. V. Zach'у“. Рукописный отдел ИВ АН.

¹¹ В. П. Васильев, *Цит. соч.*, стр. 110.

Нельзя обойти молчанием и преподавательскую деятельность И. И. Захарова.

Манчжурский язык еще с 1844 г. стал предметом университетского обучения, введенный впервые в Казанском университете для студентов-китаистов. Преподавание манчжурского языка вел Осип Павлович Войцеховский. Врач по специальности, проживший в Пекинской духовной семинарии свыше двенадцати лет, он недолго преподавал манчжурский язык, всего лишь в течение шести лет¹². В 1850 году он умер. С его смертью преподавание манчжурского языка в Казанском университете прекратилось.

С 1851 года манчжурский язык начал преподаваться на Восточном факультете С.-Петербургского Университета одним из замечательных синологов прошлого века В. П. Васильевым, издавшим литографированным способом первый „Краткий манчжурско-русский словарь“, первую „Манчжурскую хрестоматию“ и первую научную статью о манчжурском языке¹³, в которой им выдвигаются некоторые теоретические положения, оригинальные и интересные для своего времени.

Преподавание манчжурского для В. П. Васильева было побочным делом, отнимавшим у него не мало времени от его синологических занятий. Он вскоре уступил его возвратившемуся из Китая своему другу И. И. Захарову, с которым вместе они в дни молодости провели десять горьких лет своей жизни в Пекинской духовной миссии.

И. И. Захаров получил звание профессора и занимался преподаванием манчжурского языка в течение семнадцати лет, до самой смерти (1885 г.)¹⁴.

После его смерти не нашлось достойных и способных учеников и преемников; своей школы И. И. Захарову так и не удалось создать.

Но преподавание манчжурского языка все же не прекратилось. В этом же 1885 году оно перешло к только что окончившему университет, любимому ученику В. П. Васильева, двадцатитрехлетнему Алексею Осиповичу Ивановскому¹⁵, впоследствии профессору и доктору китайской филологии. Более полутора десятка лет А. О. Ивановский преподавал манчжурский язык. Им была составлена „Манчжурская хрестоматия“, а результатом его поездки в Китай явилось издание материалов по манчжуро-монгольской диалектологии¹⁶.

В 1903 году со смертью А. О. Ивановского его место занял монголист В. А. Котвич.

Преподавание манчжурского языка проходило не совсем удовлетворительно. На его изучение было отведено недостаточное количество часов. Он стал рассматриваться как дополнительный язык к китайскому¹⁷.

Одновременно преподавание манчжурского языка велось во Владивостокском Восточном Институте, где успешно провел почти всю свою

¹² „После объяснения грамматики манчжурского языка О. П. Войцеховский переводил со своими слушателями Цинь вынь цинь мынь, Илань-хацинь и камциме араха битхэ, Джун юн, Алба тацинь, Ань и дулимба битхэ, с филологическими, философскими и археологическими замечаниями. В то же время излагал он политическую и литературную историю манчжуров“. Цит. статья Н. И. Веселовского, стр. 179.

¹³ В. П. Васильев, Об отношении китайского языка к средне-азиатским. Журнал Министерства народного просвещения, СПб, 1872 г.

¹⁴ „На первом курсе Захаров проходил манчжурскую грамматику и упражнения студентов в переводах с манчжурского языка на русский статей из хрестоматии Васильева, по 1 лекции в неделю; во втором курсе, кроме переводов из той же хрестоматии, приучал слушателей переводить с русского на манчжурский — по 2 лекции; в III и IV курсах занимал переводами из сочинений: Си сянь цзы, Мукденъ фу и битхэ, Тун дянь ган му и дипломатических бумаг — по 2 лекции“. Цит. статья Н. И. Веселовского, стр. 180.

¹⁵ С. Ф. Ольденбург, А. О. Ивановский (некролог). Журнал Министерства народного просвещения, 1904 г.

¹⁶ А. О. Ивановский, Mandjurica 1. Образцы солонского и дахурского языков, СПб, 1894 г.

¹⁷ А. Позднеев, К вопросу об организации изучения Востока в русских учебных заведениях, СПб, 1905, стр. 5—6.

научно-педагогическую деятельность последний крупнейший манчжурист, посвятивший себя целиком манчжурской филологии, проф. А. В. Гребенщиков, безвременно погибший в 1941 году во время блокады в Ленинграде.

А. В. Гребенщиков по образованию был китаистом, но специализировался в манчжурском языке. Помимо преподавательской работы во владивостокском Восточном институте он занимался разработкой отдельных вопросов манчжуроведения, направив свое внимание, главным образом, на происхождение и развитие манчжурской письменности¹⁸.

А. В. Гребенщиков много путешествовал по Манчжурии¹⁹. С манчжурами он общался, разговаривал с ними, записывал от них фольклорные тексты. Возможно, это и позволило ему ошибочно утверждать, что манчжурский язык не обнаруживает никаких признаков к исчезновению. В действительности же китайский язык все-таки вытеснил манчжурский.

Столь очевидное заблуждение А. В. Гребенщикова относительно жизнеспособности манчжурского языка, конечно, нисколько не умаляет ценности многочисленных научных и учебно-практических работ А. В. Гребенщикова по манчжурскому языку и литературе.

А. В. Гребенщиков был последний из китаистов, пришедших в манчжуроведение.

В истории изучения манчжурского языка нашли отчетливое выражение две линии. Одна из них связана с китаистами, другая — с монголистами. Из их среды и выходили манчжуристы-китаисты, манчжуристы-монголисты. Те и другие внесли свою долю в созданную ими манчжуристику. В этом и заключается важнейшая и специфическая особенность русской манчжуристики, обусловившая в значительной мере ее быстрые и прочные успехи.

Как ни парадоксально, но следует признать, что манчжуристика развивалась все время „без манчжуристов“, — людьми, которые, кроме манчжурского, обладали знаниями соседних языков: китайского и монгольского. Китаисты и монголисты, пришедшие в манчжуристику, на первых порах занимались преподаванием и составлением учебников манчжурского языка²⁰, что соответствовало практическим потребностям и уровню развития лингвистической науки того времени. Позднее, начиная с конца прошлого века, прогресс научных знаний привел к более углубленному и интенсивному изучению манчжурского языка. Издание же учебников не прекращалось.

Первым манчжуристом-монголистом был названный выше А. Орлов, учитель монгольского языка Иркутской духовной семинарии, автор упомянутой выше „Грамматики манчжурского языка“, являющейся до сих пор еще не устаревшим и полезным учебным пособием, значительно, правда, уступающим по полноте охвата и детальному описанию материала грамматик И. И. Захарова. К тому же индивидуальность авторов обеих грамматик сказалась в разном их методологическом подходе к материалу. Если И. И. Захаров старался держаться „порядка и терминологии латинской грамматики“, которую он взял за образец, то А. Орлов усвоил себе какие-то особенные понятия о грамматике и ее терминологии²¹, за что и порицал его И. И. Захаров.

Вслед за А. Орловым необходимо назвать имя другого монголиста — проф. А. М. Позднеева, занимавшегося публикацией в учебных и науч-

¹⁸ А. В. Гребенщиков, Манчжуры, их язык и письменность. Его же, Письменность аборигенов Манчжурии. Рукопись. Рукописный отдел ИВ АН.

¹⁹ А. В. Гребенщиков, В Бухту и Мэргэнь по р. Нонци, Харбин, 1910. Его же, Очерк изучения манчжурского языка в Китае, 2 ч., Владивосток, 1913 г.

²⁰ Переводы делали преимущественно манчжуристы-китаисты.

²¹ Предисловие к указ. „Манчжурской грамматике“ И. И. Захарова, СПб, 1875, стр. 7.

ных целях лексикологических материалов разговорного и письменного маньчжурского языка²².

Следующий этап ознаменовался работами крупнейших монголистов — академиков — Б. Я. Владимирцова и В. Л. Котвича. Они первые оценили подлинное научное значение маньчжурского языка, его неразрывную связь с монгольскими и тунгусскими языками, широко используя маньчжурский материал в своих лингвистических построениях. Фактом научно-установленным стало то, что маньчжурский язык не должен изучаться замкнуто, в самом себе, вне связи с другими языками и, прежде всего, с языком монгольским. Это ясно теперь каждому, кто ознакомится, хотя бы в общих чертах, с историей и строем этих языков.

Однако, констатируя это совершенно бесспорное положение, и Б. Я. Владимирцов и В. Л. Котвич, будучи монголистами, делали из него выводы, имеющие значение больше для монголоведения, чем для маньчжуроведения, так как оперировали они больше монгольским языковым материалом. Исходя из анализа его, строили они свои теоретические положения, привлекая маньчжурский язык лишь в качестве дополнительного аргумента.

После работ Б. Я. Владимирцова и В. Л. Котвича²³ стало очевидным, что серьезное изучение исторической и теоретической грамматики монгольского языка едва ли осуществимо в полной мере без маньчжурского языка. В противном случае исследователь рискует прийти к односторонним и неточным результатам.

В равной степени детальное и всестороннее изучение маньчжурского языка невозможно без монгольского языка, без выяснения степени и характера взаимодействия между ними²⁴.

В научных занятиях В. Л. Котвича маньчжурский язык занимал гораздо больше места, чем у Б. Я. Владимирцова. Кроме маньчжурского языка, который В. Л. Котвич преподавал в Петербургском Университете, его внимание привлекала также и маньчжурская литература²⁵.

Значение монголистов для маньчжуроведения велико и еще не получило должной оценки. Они прокладывают нередко новые пути для маньчжуроведения, дают направление, ставят рожки на путях научных изысканий, точно обозначая для них точки приложения своих сил.

Академик С. А. Козин — монголист, а не маньчжуровед, и на первый взгляд, кажется, далек от специальных вопросов маньчжуроведения. Тем не менее, его изыскания, например, в области происхождения монгольской письменности, объяснение им роли и значения двух систем письма („ясного“ и „неясного“) и некоторые другие кардинальные вопросы, уводящие в предисторию маньчжуров, к языку и письменности чжурчженей — предков маньчжур, — выходят за пределы монгольской филологии и приобретают первостепенное значение для маньчжуроведения. Отныне тот, кто посвятит свои занятия исследованию вопроса о происхождении

²² Следует отметить „Каменнописный памятник подчинения маньчжурами Кореи“, 1890, ЗВОРАО, т. V.

²³ Ср. В. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Ленинград, 1929. Les pronoms dans les langues altaïques“, Kotwicz, Krakow, 1936.

²⁴ В этой связи заслуживает упоминания работа Г. Д. Саянжева, Маньчжуро-монгольские языковые параллели. Изв. АН СССР, 1930, № 8—9, рассматривающая лексическое взаимодействие между монгольским и маньчжурским языками.

²⁵ Проф. В. Л. Котвич, Маньчжурская литература, „Литература Востока“, сборник статей, Вып. 2, Петербург, 1920, стр. 116—127. Статья В. Л. Котвича предшествовала работе А. О. Ивановского „Очерк истории маньчжурской литературы“. СПб., 1887—1888 г. (литографированное издание).

Кроме того, В. Л. Котвичем составлена большая библиография по маньчжурской литературе на основании произведенного им детального обследования маньчжурских фондов Ленинграда (ИВ АН, Университетской и Публичной библиотек). Значительная часть библиографических карточек сохранилась и находится в ИВ АН (Рукописный отдел, фонд В. Л. Котвича).

манчжурской письменности или же изучению более поздних этапов её развития, никак не может обойти работы академика С. А. Козина²⁶. Они будут для него путеводными.

Кроме китаистов и монголистов в манчжуристику внесли свою долю участия и тюркологи. Из них следует назвать академика В. В. Радлова, известного, прежде всего, как собирателя манчжурского фольклора. Часть из этих материалов опубликованы А. О. Ивановским в его „Манчжурской хрестоматии“ (часть II, стр. 187—212); остальные до нас так и не дошли²⁷.

Как исследователь живого манчжурского языка академик В. В. Радлов мало кому известен. Между тем, в рукописном отделе ИВ АН имеется словарная картотека, составленная им на основе изучения манчжурского диалекта „Сибо“²⁸. Картотека эта вместе со словарными карточками А. Владыкина и С. В. Каменского насчитывает свыше 18 600 карточек. Она ждёт обработки и опубликования²⁹.

Небольшие записи по манчжурскому языку удалось сделать монголисту А. Д. Рудневу от одного манчжура, случайно попавшего в Петербург³⁰.

В последние годы, в связи с открытием на Восточном факультете Ленинградского университета манчжурского отделения, манчжуроведение получило новый стимул для своего дальнейшего развития. Временно прерванная традиция, когда манчжурский язык был университетской дисциплиной, возродилась вновь и в масштабах гораздо больших, чем раньше.

Вместе с преподаванием возобновилось и теоретическое изучение манчжурского языка в Академии Наук. Отдельные научные сотрудники Института востоковедения и Института языка и мышления им. Н. Я. Марра занимаются исследованием специальных вопросов манчжурской филологии.

Манчжурский язык с его многовековой историей становится научно-важным для слабо еще изученных тунгусо-манчжурских языков Северо-Востока Азии, с которыми он имеет давние исторические связи и очень близкое структурно-филологическое сходство. Однако исследователи этих языков, ставших лишь недавно письменными, привлекают манчжурский язык пока только для всякого рода сравнительно-лингвистических сопоставлений, оперируя чисто внешними и уже широко известными данными манчжурского языка, извлеченными из словаря и грамматики И. И. Захарова.

Такое положение характерно для начального этапа. За ним должно последовать более углубленное и систематическое изучение этими исследователями манчжурского языка, что совершенно необходимо для выяснения прошлой истории ныне малочисленных народов Северо-Востока Азии, а также изучения их языков. Для этих целей едва ли не единственным надежным источником является манчжурский язык, кроме, конечно, языка китайского, труднейшего для изучения.

²⁶ С. А. Козин, Сокровенное сказание. Введение. Л. 1941. Его же, Джангариада. Введение. 1940. Его же, Эпос монгольских народов и виды их письменности. Вестник Ленинградского университета, № 3, 1946.

²⁷ В. Л. Котвич, Материалы для изучения тунгусских наречий, журнал „Живая старина“. Выпуск II—III, 1903, стр. 3.

²⁸ См. неизданную статью В. Л. Котвича о В. В. Радлове (Рукописный отдел ИВ АН, фонд В. Л. Котвича). Исследованием диалекта „Сибо“ занимался также Ф. В. Муромцев. См. его Отчёты в Известиях Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. № 7—9 за 1908 г.

²⁹ Сохранилось большое число ценнейших материалов: А. Владыкина, Т. М. Розова, Д. В. Муромцева, Н. Кроткова, С. В. Каменского, И. И. Захарова, В. Л. Котвича и других. Их так много и так трудно учесть, хотя бы приблизительно, что если бы все же их удалось собрать воедино с материалами, находящимися в наших архивах и опубликовать, то по числу и объёму они может быть и не уступили бы тому, что издано по манчжурскому языку к настоящему времени.

³⁰ А. Руднев, Новые данные по живой манчжурской речи и шаманству. СПб, 1912.

Манчжурский язык необходим также и китаистам — „По-моему, говорит Е. Науер — синолог, желающий сберечь время, не должен упускать случая приобрести достаточное знание манчжурского языка. . . только самодовольное чванство и надменность невежества могут повести к узкой догме, что манчжурским языком можно в какой-либо степени пренебречь³¹.

По мнению Е. Науер'а, манчжурский язык имеет особую ценность для правильного понимания многотомных историй: Цзинь ши, Юань ши, где встречается много исторических собственных имен, — названий государств, племен, родов — и различных топонимических названий. Благодаря своей графической точности в обозначении звуков, манчжурский язык гарантирует правильное чтение имен, названий и терминов. Как китаист Е. Науер на первый план выдвигал лишь прикладное значение манчжурского языка, которому отводилась вспомогательная роль при изучении китайского языка.

В нашей же стране манчжуроведение существует и успешно развивается как самостоятельная научная дисциплина. Вопросы филологии в ней всегда преобладали. По мере того как будут введены в научный оборот, переведены и исследованы значительное количество печатных и рукописных материалов в книжных фондах библиотек и архивах Ленинграда, Москвы, Владивостока, Алма-Ата и других городов (не все они еще там обнаружены и описаны), то несомненно роль и значение манчжурского языка в изучении истории стран Дальнего Востока и языков их народов намного увеличится. Не менее важным становится также сравнительное изучение манчжурского языка, называемого некоторыми учеными „восточной латынью“, особенно же рассмотрение его в аспекте нового учения о языке.

Располагая обширными манчжурскими фондами, кадрами ученых-специалистов, организованных в научные коллективы и вооруженных передовыми научными методами, советская манчжуристика вступила теперь в полосу нового подъема, занимая попрежнему в числе некоторых других отраслей востоковедения, например монголоведения, ведущее положение. Перешагнув давно уже за пределы своего отечества, оно идет впереди всех других стран, где, как во Франции, Германии, Японии, Англии (за исключением Китая), до сих пор имелись лишь единичные, разрозненные попытки изучения манчжурского языка несколькими учеными-одиночками. Их труды не только не имели основополагающего значения, но некоторые из них были даже написаны под непосредственным влиянием работ русских манчжуристов, например Манчжурская грамматика Möllendorf'a. А если учесть, что абсолютное большинство книг по манчжуристике вышло в нашей стране и на русском языке, то можно вполне определенно и без преувеличения сказать, что Европа почерпнула свои сведения о манчжурском языке, главным образом, через посредство русских ученых. В этом их неоспоримая заслуга перед наукой в прошлом и настоящем, это же и обязывает их ко многому в будущем. К этому же призывает их и долг перед своей Родиной.

³¹ Цит. рукопись А. В. Гребешникова.